

Кебрада сеньора Эстебана / hekaúa

Category: Hekaúalar, Kitapcy

написано kitapcy | 25 января, 2025

Кебрада сеньора Эстебана / hekaúa КЕБРАДА СЕНЬОРА ЭСТЕБАНА

Сеньор Эстебан Дельгадо ехал в своем лимузине, устало откинувшись на спинку мягкого кожаного сиденья. После долгих и трудных переговоров с потенциальными бизнес-партнерами он чувствовал себя совершенно опустошенным и невидящим взглядом скользил по вечерним улицам города. Яркие неоновые вывески подмигивали ему разноцветными огнями, заманчиво светились витрины дорогих магазинов, отели и рестораны приглашали призывно распахнутыми дверями. Толпы прохожих, среди которых легко угадывались любопытные туристы, сплошными потоками текли по тротуарам. Параллельно им текли по руслам улиц и проспектов реки автомобилей. И все это гудело, шумело, бурлило, то и дело переругиваясь вскриками клаксонов, сливаясь в многоголосый хор большого города. И Эстебан был рад, что надежно спрятан от всей этой сумятицы тонированными стеклами автомобиля.

Едва лимузин чинно свернул на боковую улицу, как внимание сеньора Дельгадо привлекла небольшая толпа народа, застывшая на тротуаре. Эстебан выпрямился и повернул голову, пытаясь рассмотреть, что же такое интересное заставило празднично шатающихся прохожих остановиться? За чем они с таким интересом наблюдают?

– Фернандо, останови здесь! – приказал Эстебан шоферу. Тот послушно кивнул головой в форменной фуражке и остановил машину у тротуара.

Сеньор Дельгадо не пошевелился, пока Фернандо не выскочил из машины, не обежал ее по кругу и не открыл перед ним дверцу, склонившись в почтительном поклоне. «Нерасторопный увалень!» – недовольно проворчал про себя Эстебан, но вслух ничего не сказал, считая, что ворчать на прислугу – дурной тон.

Он вышел из лимузина и неспешным шагом с высокомерно поднятой

головой отправился к заинтересовавшей его толпе. Люди стояли в несколько рядов и вытягивали шеи, вглядываясь в то, что происходило в центре импровизированного круга, откуда доносились ритмичные аккорды бандонеона и томный голос скрипки. Чем ближе подходил сеньор Эстебан, тем чаще до его ушей доносились одобрительные и даже восторженные возгласы зрителей. Музыка смолкла, и толпа взорвалась аплодисментами. Подойдя вплотную к зрителям и тоже вытянув шею, Эстебан увидел в центре круга пару, танцующую танго.

Танго на улицах города вовсе не было чем-то удивительным. Кто же не любит танго в Буэнос – Айресе? Танго здесь естественно, как воздух, смешанный с выхлопными газами, аппетитными ароматами, доносящимися из окон многочисленных баров и ресторанов, и тонкими запахами изысканных духов, невидимым шлейфом летящих за очаровательными аргентинскими красавицами. Но пара танцоров даже на Эстебана произвела такое впечатление, что привычная маска высокомерия и надменности сменилась на его лице искренним удивлением. Тангеро оба были уже не молодыми. Элегантная дама в облегающем фигуру синем платье-футляре выглядела хорошо за пятьдесят, а ее партнер, полноватый господин с седыми висками в классическом костюме, был еще старше. Но, не смотря на возраст, движения их были легки и грациозны. Танцор поклонился публике, сняв шляпу и сверкнув в свете уличных фонарей обширной лысиной. Музыкант с бандонеоном, что сопровождал паре, заиграл новую мелодию. Второй, что стоял за его спиной, поднял скрипку.

Эстебан с нарастающим удивлением наблюдал, как лысоватый господин водрузил шляпу обратно на голову, широко улыбнулся и протянул руку к своей партнерше. Дама, ответив улыбкой, положила ладонь ему на плечо. И начался новый танец...

О, что это был за танец! Прижавшись друг к другу висок к виску, соединив руки в танцевальном объятии, тангеро ногами вывязывали такой замысловатый узор из шагов, поворотов, восьмерок, скручиваний и покачиваний, что захватывало дух! Это было так мастерски, так виртуозно и в таком слиянии с музыкой, что Эстебан застыл с раскрытым ртом и широко распахнутыми глазами, душой слившись с толпой обычных уличных зевак. В этом

танце была настоящая магия. Казалось, что не музыкальные инструменты творят мелодию, а носки блестящих лаковых ботинок танцора задают ритм бандонеону, тонкий каблук туфельки дамы ведет за собой смычок. Перед глазами сеньора Дельгадо разворачивалась целая история, полная искрометного юмора и тонкой самоиронии, и он, не отрываясь, забыв обо всем на свете, следил за ее развитием.

Эстебан понял, что перед ним не простые любители, а истинные мастера, искусство которых достойно академии танго. Впечатление от увиденного было столь сильным, что он не заметил, как стал аплодировать вместе с остальными зрителями, до боли в ладонях. А потом совершил поступок, который сам не смог объяснить ничем, кроме магического воздействия танго.

– Маэстро! – громко крикнул сеньор Эстебан, перекрывая шум аплодисментов, когда танец закончился. – Можно с вами поговорить одну минуту?!

И, протиснувшись сквозь чужие спины и плечи, подошел к тангеро. Мужчина с любопытством взглянул на него.

– Маэстро, вы настоящие виртуозы! – с искренним восхищением произнес Эстебан, целуя ручку дамы в синем платье. – Я готов заплатить любые деньги за несколько уроков танго у вас! Не откажите мне в этой просьбе, прошу.

Танцоры переглянулись. Они явно не ожидали такого предложения.

– Я, как любой аргентинец, – продолжал Эстебан, – знаком с основными движениями танго, но на примитивном, бытовом уровне. А мне бы хотелось хоть на пару шагов приблизиться к вашему мастерству. Любые деньги, господа!

Мужчина и дама оценивающим взглядом смерили элегантно и дорого одетого господина лет сорока, с такой надеждой смотрящего на них, что отмахнуться от его просьбы было сложно.

– Приходите в нашу академию танго, – предложил мужчина, – сейчас как раз мы набираем новую группу. Меня зовут Сантьяго Ньето, а это моя супруга сеньора Паула.

– Эстебан Дельгадо, – представился Эстебан, немного склонив голову. – Я заплачу любые деньги за частные уроки, господа. У меня нет возможности посещать академию, увы.

По их изменившемуся взглядам он понял, они узнали его. Конечно,

трудно было не узнать одного из самых богатых людей Аргентины, чье лицо то и дело мелькает на телеэкранах. Отойдя на пару шагов и пошептавшись друг с другом, тангеро к великой радости сеньора Дельгадо согласились на пару уроков в неделю. Эстебан с щедростью гостеприимного хозяина пообещал каждый раз присылать за маэстро автомобиль со своим личным шофером, который будет привозить и отвозить сеньоров Ньюто.

Довольный достигнутым соглашением, Эстебан направился к своей машине, а тангеро вернулись в центр круга. Он шел улыбаясь, исполненный ощущением какого-то душевного подъема, пока не споткнулся о взгляд своего шофера. Фернандо, застыв столбом возле лимузина, растерянно и удивленно хлопал глазами, впервые в жизни видя своего господина таким счастливым и радостным, точно мальчишка, получивший согласие красотки на долгожданное свидание. Сеньор Дельгадо перестал улыбаться и мгновенно натянул на лицо маску строгого хозяина. Под пристальным и суровым взглядом Эстебана Фернандо растерялся и не сразу распахнул дверцу автомобиля, замешкался.

Когда за стеклами машины снова замелькали улицы Буэнос – Айреса, Эстебан недовольно подумал, хмуря брови: «Что за блажь взбрела мне в голову? Зачем я еще и уговаривал этих уличных танцоров?». Он давно уже привык не уговаривать, а приказывать и отдавать распоряжения. Да и зачем ему, большому человеку, самому учиться танцевать этот сомнительный танец? Такие люди, как он, если уж и снисходят до популярного в народе танца, то смотрят его в театре, в академиях танго, удобно расположившись в VIP – ложе и снисходительно даря исполнителям вялые аплодисменты, когда остальная публика в зале беснуется и орет «Браво!!» Сдалось ему это танго! Но в глубине души росло и крепло странное убеждение, что этот танец, такой эмоциональный, страстный, изменит всю его жизнь.

Сын богатого промышленника и финансиста, Эстебан Дельгадо к своим сорока годам вдруг понял, что страшно одинок. Он был богат, известен, даже популярен, он мог получить от жизни все, что покупалось за деньги. Но при этом в душе его разрасталась черная дыра, всасывающая в себя и поглощающая все живые чувства и эмоции. Ощущение внутренней пустоты все больше

настораживало его, пугало. Казалось, что скоро и он сам исчезнет, раствориться в этой черной дыре, перестанет существовать как человеческая личность. Останется лишь внешняя оболочка, впрочем, пустая и ненужная, как фантик от съеденной конфеты.

Перед первым уроком Эстебан, взвинченный ожиданием чего-то очень важного в своей жизни, велел управляющему раздобыть старинный проигрыватель и целый набор виниловых пластинок с записями самых популярных мелодий танго. Отчего-то ему казалось, что танцевать надо именно под легкое шипение и шуршание виниловых пластинок.

– Поставь сюда, Мануэль, да будь осторожен, не разбей! – командовал сеньор Дельгадо, косясь в окно на подъездную дорожку, на которой с минуты на минуту должен был появиться лимузин с долгожданными гостями.

Он был слегка удивлен и раздосадован, когда увидел на пороге танцевального зала одну сеньору Паулу Ньето.

– Сантьяго занят сегодня, – спокойно объяснила дама, – готовит одну нашу пару к чемпионату мира по танго.

Эстебана глубоко задело пренебрежение сеньора Ньето, но на спокойном лице его не дрогнул ни один мускул. Он, Эстебан Дельгадо, для какого-то учителя танцев оказался менее важным, чем подготовка к чемпионату! В глубине души колыхнулось недовольство. Будь Сантьяго Ньето его подчиненным он бы... А что бы он сделал? Уволил с работы? Вышвырнул без выходного пособия? Но сеньор Ньето не был его подчиненным. Пришлось подавить недовольство.

Паула окинула оценивающим взглядом богато декорированный зал, задуманный архитектором специально для танцевальных вечеров, но так никогда и не использовавшийся по назначению, потому что замкнутый и необщительный Эстебан никогда не устраивал в своем доме танцы.

– Ну что ж, приступим, сеньор Дельгадо? – спросила она, поворачиваясь лицом к хозяину дома. – Давайте начнем с проверки вашего уровня. Прежде чем вас учить, я должна понять, что вы умеете?

Эстебан хмыкнул: давненько никто не проверял его уровень!

Обычно проверял он. Других. Проверял, оценивал и делал выводы. От роли ученика он давно отвык.

Сеньора Паула выбрала на свой вкус пластинку и поставила ее на проигрыватель. Зазвучала музыка. Эстебан сделал несколько неуверенных шагов по направлению к даме и застыл в нерешительности.

– Смелее, мальчик! – подбадривала его Паула.

«Мальчик?! Мне сорок лет!» – захотелось рявкнуть Эстебану прямо в самоуверенную физиономию дамочки, но он промолчал, только тихо скрипнул зубами. Паула подошла и взяла его руку в свою, а другую положила ему на плечо. Лихорадочно вспоминая базовые шаги, Эстебан попытался под музыку вести свою партнершу.

– Прекрасно, – с легкой издевкой в голосе комментировала та, – в роте почетного караула на плацу ты маршировал бы лучше всех! Это же танец, мальчик, тут надо скользить по паркету, а не маршировать.

Эстебан сжал губы и нахмурился: она подшучивает над ним! Да как она смеет?! И с каких это пор они на ты?

– Ну же, расслабь плечи, мальчик! – Паула остановилась и, схватив его за плечи неожиданно сильными пальцами, потрясла, словно куклу. – Расслабь! Плечи должны быть свободными.

Медленно наливаясь злостью и раздражением, Эстебан попытался расслабить плечи, но ничего не получилось.

– Не будь таким деревянным! – требовала учительница. – Что ты чувствуешь?

Сверкнув глазами на этот дурацкий вопрос, Эстебан промолчал. Паула же, вцепившись в него как клещ, продолжала:

– Ты весь зажатый, деревянный. Почему? Что ты сдерживаешь? Чему не даешь вырваться на волю? Ну? Расслабься, мальчик, будь собой! Плечи расслабь, спину, ноги, ягодицы! – И стала лупить его жесткой ладонью по тем местам, что перечисляла.

Когда безжалостная ладонь ощутимо шлепнула его по мягкому месту, Эстебан задохнулся от возмущения и попытался оттолкнуть от себя обнаглевшую училку. Не тут-то было! Музыка звучала, партнерша толкала его, наступая, заставляя шаг за шагом двигаться.

– Злишься? – издевалась она. – Так станцуй свою злость! Будь собой, мальчик, живи в танце!

Чаша терпения сеньора Дельгадо переполнилась, и волна гнева плеснула наружу. Он резким движением схватил провокаторшу и под ритмичные аккорды потащил, увлекая в длинную дорожку шагов. От резкой остановки и поворота Паула дернулась, потеряв равновесие и навалившись на него всем телом. На лице ее появилось выражение удивления. Но в следующую секунду она включилась в игру, подстраиваясь под его настроение, словно отзеркаливая его гнев. Они двигались по паркету быстрыми, ломанными линиями, яростными зигзагами.

– Кого ты так ненавидишь, мальчик? – шепнула Паула, заглядывая в его глаза и умудряясь при этом крутить очо.

В душе Эстебана все кипело, клокотало. Он готов был задушить свою мучительницу, вымещая ярость и ненависть в танце. И ему было совершенно наплевать на то, что движения его не точны, что он постоянно сбивается с шага, даже в ритм не попадает. Он пылал ненавистью! Давно сдерживаемая ярость прорвалась наружу, как гнойный нарыв. С последними аккордами Эстебан резко развернул партнершу, и она упала на его руку, выгнув спину, головой почти касаясь пола. Наградой ему была тень испуга в ее глазах.

Тяжело дыша, Эстебан поставил Паулу на ноги и отошел в сторону.

– О, какой выплеск эмоций! Можешь, если захочешь, – подбодрила ученика Паула. – Пойми, Эстебан, танго это жизнь. Ты должен жить в танце, а не сдерживать себя из последних сил. Пока не разберешься со своими чувствами, пока не научишься их выражать в танце, танго тебе не по зубам, мальчик!

– Но как это сделать? – спросил он хриплым от пережитых эмоций голосом.

– Сегодня ты почувствовал свою злость, ненависть, дал им выход в движении. Это первый шаг. Разберись со своей злостью, выпусти ее из себя, и тогда освободится место для других чувств. Тогда мы сможем с тобой работать, друг мой Эстебан. А к следующему уроку разучи на зубок учебную связку из восьми шагов.

Паула стала показывать ему шаги, будто и не было никакой вспышки гнева с его стороны. А в голове Эстебана звучал вопрос: «Кого ты так ненавидишь?» И сейчас этот вопрос уже не казался ему нелепым. В самом деле, не свою же учительницу, которую видит второй раз в жизни, он так ненавидит!

После урока Эстебан вышел на балкон, наблюдая за машиной, увозившей сеньору Ньето. За его спиной в пустом танцевальном зале все еще звучало танго, сдобренное хрипом старых виниловых пластинок. Он подставил разгоряченное лицо свежему ветру и прикрыл глаза, вспоминая...

«Слабак, размазня!» – называл его отец, когда маленький Эстебан в очередной раз разбив коленку тихо всхлипывал, размазывая слезы кулаком по щекам. «И все-таки в твоих жилах течет хорошая порция плебейской крови! – говорил Густаво Дельгадо, заметив сына в компании детей прислуги. – Так и тянет возиться с голодранцами!». «Ты должен был родиться девчонкой, а не мужчиной. Только девчонка может так распускать сопли из-за ерунды!» – звучало с презрительной насмешкой, когда 12-летний Эстебан, глотая слезы, хоронил свою любимую собаку.

С раннего детства Эстебан помнил, как любая эмоция, любое проявление чувств вызывало осуждение со стороны его строгого и надменного отца. Сеньор Густаво был жестким, если не сказать жестоким, высокомерным человеком. И Эстебан всем своим существом чувствовал, что никак не соответствует его высоким требованиям. Он – мальчишка – был слишком мягким, слишком чувствительным для наследника бизнес-империи, которую должен был получить после отца. Старший Дельгадо, окидывая его разочарованным взглядом, вздыхал: «На кого оставляю дело? На этого тюфяка и неженку, ударяющегося в слезы из-за каждого пустяка? Не повезло мне с сыном». Он оскорблял и унижал мать Эстебана, ласковую, нежную красавицу Лурдес Дельгадо, но делал это так виртуозно и изощренно, что ни один человек на свете не смог бы его обвинить в недостойном поведении.

Густаво Дельгадо получал эстетическое удовольствие, издеваясь и унижая других, более слабых людей. Возможно, именно это, а не тяжелая болезнь, так рано свели Лурдес в могилу. И в 14 лет

юный Эстебан остался без матери, а значит без последней защиты.

Требования и придирки отца с тех пор превратились в систему беспощадной муштры, нацеленной на выколачивание из подростка всего живого и человеческого. Эстебан люто возненавидел отца, но ни словом, ни взглядом не смел показать своих чувств. В глубине души он молил бога поскорее прибрать тирана. Отец умер через 10 лет после матери от внезапного сердечного приступа. Но сам Эстебан за эти годы успел превратиться, к своему ужасу, в полную копию отца, которого так ненавидел.

«Как я мог стать таким же, как он? Почему?!» – задавал себе вопросы Эстебан, возвращаясь в танцевальный зал. Он чувствовал себя диким зверем, загнанным в ловушку. И от этого злость в его душе только крепла. Сеньор Эстебан быстрыми шагами направился к проигрывателю. Он схватил пачку конвертов с пластинками и стал искать то, что жаждала его душа, безжалостно отшвыривая в сторону виниловые диски с медленными и лиричными мелодиями. Ему нужна была музыка полная страсти и гнева, как у Пьяцоллы.

Его руки дрожали от нетерпения, когда он ставил пластинку на проигрыватель. Едва зазвучали первые аккорды, Эстебан бросился в центр зала и стал танцевать. Звучал рояль, ему вторил аккордеон, вот уже в их дуэт вплетается низкий драматический голос виолончели, надрывают душу высокие звуки скрипки. Эстебан, чье тело превратилось в сжатую пружину, не думая о танго, не пытаясь правильно повторять танцевальные па, просто двигался, выражая в движении все то, что бурлило и клокотало в его душе.

Дробными ударами каблуков он вколачивал в пол гнетущую душу ненависть к своему отцу; он делал резкое движение плечами и сбрасывал каменную тяжесть навязанных ему представлений о жизни; он разворачивался и выкидывал вперед руку, стряхивая отжившие свое правила и запреты. И каждая мышца тела пела и стонала, освобождаясь от устаревшего и ненужного, а по лицу, незамеченные им, текли и текли слезы. Он оплакивал рано умершую мать, свое детство, омраченное деспотичностью отца, отсутствие друзей и того света и радости, что присущ детству

каждого обычного ребенка. Наконец мелодия кончилась, а вместе с нею и физические и душевные силы Эстебана. Обессиленный, он рухнул на пол и еще долго лежал, раскинув руки и уставившись невидящим взглядом в потолок, в полной тишине, вслушиваясь в гулкие удары собственного сердца.

Утром сеньор Дельгадо позвонил своему секретарю и отменил назначенную встречу, затем вызвал Фернандо и велел готовить автомобиль к поездке на кладбище Риколеты, где были погребены его родители, заехав в цветочный магазин, купил букет белых, как платье невесты, роз. Он помнил, что его мама любила именно такие цветы.

Эстебан вышел из машины недалеко от кладбища, не дожидаясь, когда шофер распахнет перед ним дверцу, чем поверг Фернандо в недоумение, и, сжимая в руках букет, направился по ухоженным дорожкам мимо торжественных мраморных склепов и надгробий. Странно, но впервые в жизни он заметил, какая мертвая тишина стоит на кладбище, будто городской шум не смел, не решался проникнуть за кладбищенскую ограду.

Он повернул направо, потом налево и остановился возле надгробия из черного мрамора. Старый Густаво Дельгадо, собиравшийся прожить до ста лет, почему-то заранее позаботился о месте собственного захоронения и за пару лет до своей смерти пригласил известного скульптора и заказал ему массивное и помпезное надгробие. Тщеславие и гордость требовали, чтобы даже после смерти он был выше и заметнее других. Вот и мраморный обелиск надгробия тянулся ввысь, изо всех сил стараясь перещеголять окружающие памятники. А беломраморный ангел на могиле Лурдес Дельгадо рядом с обелиском казался совсем маленьким и очень печальным.

Сеньор Эстебан положил букет у подножия белого ангела и долго задумчиво вглядывался в выбитые на мраморе полустертые буквы. «Мама, мама, – думал он, – как же мне тебя не хватало и не хватает по сей день. Вместе с тобой из моей жизни словно ушло, исчезло солнце. Я тут без тебя совсем один. Дорогая моя, любимая, самая светлая на свете женщина, пусть там, в том мире душе твоей будет тепло и светло. И пусть ангелы поют тебе свои сладкозвучные песни». Он повернул голову в сторону могилы

отца. «Прости, отец, за ненависть, которую испытывал к тебе всю свою жизнь. Не таких чувств ждет любой отец от своих детей. Но ты был таким, каким был. А я был слишком мал и слаб, чтобы сопротивляться тебе. Я не хотел, но усвоил, впитал как губка все те истины, что ты вдалбливал в мою голову и они до сих пор отравляют мне жизнь. Я, как и ты, совершенно один. Рядом со мной нет ни одной любящей души, ни одного искренне переживающего за меня человека. Я получил то, чему ты меня учил, – власть и деньги. Но, я уверен, если я завтра умру, никто обо мне не заплачет, не пожалеет. Вот цена того положения, к которому ты стремился сам и подталкивал меня. И мне это не нужно. Так что прости, отец».

Эстебан не заметил, как сгустились тучи и закрапал дождь, точно душа отца, услышавшая слова сына, была недовольна и привычно сердилась. Обратно он шел медленно, не обращая внимания на усиливающийся дождь, на прилипшие ко лбу мокрые волосы, на стекающие по лицу дождевые капли. Из машины навстречу ему выскочил обеспокоенный Фернандо и засуетился, распахивая дверцу перед хозяином:

-Что это вы, сеньор, под дождем разгуливаете? Промокнете ведь, простудитесь, чего доброго, да и костюм дорогой испортите!

Но Эстебан только рассмеялся в ответ:

– Эх, друг мой, Фернандо, я могу позволить себе испортить дорогой костюм. Я могу позволить себе испортить тысячу дорогих костюмов! Да и черт с ним, с костюмом, поехали в какой-нибудь бар поблизости. Пропустим по стаканчику красного? – И подмигнул обалдевшему шоферу правым глазом.

От неожиданности Фернандо даже забыл на какую педаль надо нажимать, и машина минуты две, как гигантский неуклюжий зверь, топталась на месте, то отъезжая на полметра назад, то дергаясь вперед.

Уроки танцев теперь проводились два раза в неделю, и сеньор Эстебан ради них стал регулярно переносить деловые встречи и даже отменять важные дела, вызывая тем самым удивленные взгляды подчиненных. На занятия приезжали оба преподавателя, и Сантьяго и Паула Ньето, что грело, несомненно, самолюбие высокопоставленного ученика. Но бороться со своей гордыней

сеньору Дельгадо приходилось нещадно, ведь гоняли его педагоги как мальчишку, а мадам Паула с удовольствием награждала крепким словцом или обидным эпитетом по малейшему поводу. Эстебан терпел, скрипел зубами, но обиду глотал и старательно опускал ежьи иглы недовольства. Зато теперь он стал лучше понимать, каково его подчиненным трудиться бок о бок с высокомерным и придирчивым начальником.

Двух часов занятий в неделю для настоящего мастерства было недостаточно и Эстебан тренировался дома самостоятельно, оттачивая связки шагов и повороты. У него не было партнерши, что явно затрудняло обучение. Эстебан находил выход, затащив в танцевальный зал то перепуганную горничную, то отбивающуюся от настойчивого хозяина половником кухарку. А остальная челядь, прильнув к замочным скважинам, с любопытством наблюдала за странным поведением своего господина, прислушиваясь и пританцовывая под ритмичные звуки танго. С сеньором Дельгадо творилось что-то невероятное.

Управляющий хозяйством Мануэль решил было посоветоваться с хорошим доктором, но забросил эту идею, ведь в последнее время сеньор хозяин стал гораздо добрее и мягче и даже не уволил одну из молоденьких горничных, которая случайно разбила старинную вазу, и не отправил в отставку старика садовника, когда тот по болезни пропустил плановую стрижку кустов. В большом и богатом доме сеньора Дельгадо то и дело звучала музыка, и сам воздух, казалось, наполнился романтическими фантазиями вперемешку с ароматами цветов. Мануэль, умудренный жизненным опытом, опасался, что новые веяния распустят нерадивую прислугу, но дышать в стенах старого дома явно стало легче и свободнее.

Однажды на очередном уроке Сантьяго Ньето, расслабленно прислонившись плечом к стене и наблюдая за попытками упорного ученика повторить сложную дорожку шагов, заявил:

– Тебе нужна постоянная партнерша, Эстебан! Без женщины танго теряет смысл. Мы, мужчины, из кожи вон лезем придумывая всевозможные хиро, энроске, ганчо, замысловатые шаги и повороты, но все равно первичным движением танго, его лейтмотивом остается очо – восьмерка. А очо женская фигура.

Эстебан, тяжело дыша после быстрого танца, подошел и остановился возле своего учителя. Просторный зал наполняли затухающие аккорды бандонеона.

– Пора тебе, друг мой, посетить милонгу, – продолжал Ньето. – В следующее воскресенье мы устраиваем в нашей академии вечеринку. Приходи. Там будет много талантливых и красивых танцовщиц. Вдруг повезет и выберешь себе по душе кого-нибудь? Только смотри, Эстебан, выбирай партнершу сердцем. Женщина в танго должна звучать с тобой на одной волне. Вы оба душой должны слышать и чувствовать друг друга. Тогда танго раскроет вам все свои тайны.

Эстебан неуверенно кивнул. Его, затворника и любителя одиночества, немного пугала шумная многолюдная милонга. Но педагог, воодушевленный успехами ученика, похлопал его по плечу, улыбнулся и, достав из внутреннего кармана пиджака конверт, протянул Эстебану:

– Это персональное приглашение на вечеринку.

И тут сеньор Эстебан огорошил своих учителей:

– А можно мне еще одно приглашение без указания имени? – спросил он, вертя в руках конверт.

Супруги Ньето переглянулись, обменявшись удивленными взглядами.

– Кажется наш мальчик в поисках партнерши обойдется без наших советов, Сантьяго, – усмехнулась Паула и достала из своей сумочки еще один конверт. – Удачи тебе, Эстебан, и ждем тебя на вечеринке.

Спустя пару дней сеньор Дельгадо вместе со своим шофером тихо сидели в машине Фернандо, стареньком американском «форде», напротив неприметного одноэтажного домика в небогатом пригороде Буэнос-Айреса.

– Ну, рассказывай, что узнал! – произнес Эстебан, склоняясь ближе к Фернандо с заднего сиденья машины. Он был одет, как простой человек в джинсы и обычную рубашку, почти такую же, как у Фернандо.

Мысленно поражаясь тому, что его надменный и высокомерный хозяин запросто играет с ним в секретных агентов, отслеживающих кого-то важного, Фернандо пустился в объяснения:

– Я узнал, что эта дама, Лаура Ортис, живет в этом доме вместе с двумя детьми, мальчиком и девочкой. Они еще учатся в школе. Она овдовела три года назад и, видимо из-за финансовых трудностей, пару лет назад переехала из более престижного района сюда, на самую окраину. Работает она в ветеринарной клинике, а по вторникам и пятницам помогает в приюте для бездомных животных. Нелегко, наверное, одной поднимать двоих детей? – Фернандо с любопытством покосился на хозяина и, немного помолчав, все-таки спросил: – А кто это женщина, сеньор?

Эстебан не успел ответить, когда из дверей дома показалась хозяйка. С замирающим сердцем сеньор Дельгадо наблюдал, как невысокая черноволосая женщина, цокая каблучками туфель, торопливо направилась от дверей дома к улице, с явным усилием неся в вытянутой руке набитый коробками тяжелый пакет. Лицо ее, все еще прекрасное с дивными карими глазами, казалось уставшим. «А она стала еще красивее, бедная моя Лаура!» – подумал Эстебан и вздохнул, когда тонкая фигурка с поникшими плечами скрылась за поворотом.

– Так кто она, хозяин? – не отставал настырный Фернандо.

– Моя первая и единственная любовь... – прошептал Эстебан и протянул белый конверт шоферу: – Фернандо, будь другом, брось этот конверт в почтовый ящик на двери дома.

Фернандо с готовностью схватил конверт и выскочил из машины. А его хозяин стал вспоминать...

Ему было семнадцать, Лауре чуть меньше. Ее отец, ветеринар, лечил собаку Эстебана, голенастого чистопородного подростка-дога, повредившего лапу в бурных играх. Черноглазая тоненькая девочка помогала отцу, намереваясь в будущем тоже стать собачьим доктором. Эстебан был поражен не столько ее красотой, сколько легким, общительным характером и искренними добротой и любовью, которые она, не скрываясь, демонстрировала по отношению к больным животным.

На почве любви к четвероногим друзьям они нашли много общего и подружились. Эстебан с восторгом слушал рассказы Лауры о том, как отец ее спасает больных собак и кошек, поражаясь ее живостью и открытостью. Вся она была такой легкой и светлой,

как солнечный лучик. И душа его млела и таяла от одного ее голоса. Вскоре все его мысли, все его чувства были обращены к Лауре. Он засыпал, думая о ней, и просыпался с ее именем на губах. И каждое мгновение, проведенное с ней рядом, он складывал в самые потаенные глубины своей души, как драгоценные сокровища.

Но идиллия их отношений длилась ровно до тех пор, пока старший Дельгадо не прознал о прогулках своего отпрыска с дочкой ветеринара.

– Ты бы еще в свинопаску влюбился! – высмеял он сына однажды. – Тебя так и тянет к плебеям. Нет в тебе, Эстебан, истинного аристократического достоинства! Впрочем, я могу понять: молодая кровь бурлит в твоих жилах. Но, мальчик мой, если тебе нужна женщина, то лучше обратиться к проституткам, чем связываться с неопытной дурочкой. С ней же хлопот не оберешься. На, возьми деньги.

От того жеста, каким сеньор Густаво вытащил и бросил ему несколько мятых купюр, Эстебана передернуло. Он почувствовал будто в то светлое и чистое, что жило, дышало в его сердце, плеснули грязью. Тогда он устроил отцу скандал, выкрикивая в его надменное лицо обвинения в ханжестве и чванстве, упрекая в цинизме, пытаясь защитить Лауру в глазах того, кого сам ненавидел. Но сеньор Дельгадо только холодно улыбнулся и отдал распоряжение поменять ветеринара для домашних животных. А столкнувшись с неповиновением сына, упорно бегающего на свидания с девчонкой, отправил его учиться в Америку в престижный университет. И Эстебан сдался, не смог противостоять воле отца и потерял Лауру.

В его жизни было много разных женщин, но ни одну из них он не смог полюбить, и ни с одной из них не был счастлив. Иногда воспоминания накатывали на него, заставляя искать уединения. Тогда хозяин большого дома отпускал прислугу, включал медленные и грустные мелодии танго и садился в глубокое кресло у камина с бокалом вина. Под ритмы аккордеона, под пронзительные звуки виолончели он вспоминал милую улыбку Лауры, ее звонкий смех, и душа его наполнялась тихим светом и грустью.

Эстебан вошел в просторный зал, где академия танго устраивала танцевальную вечеринку – милонгу. Сердце его тревожно билось в ожидании чуда, но холодок сомнения тонкой змейкой свернулся где-то в области солнечного сплетения. Придет ли она? Ответит ли на анонимное приглашение? А вдруг она занята, ведь у нее дети, или просто не любит танцевать...

В зале уже было полно народу. Любители танцев собирались кучками вдоль стен, оставляя свободное пространство для танцев, и что-то обсуждали в предвкушении особого удовольствия. Любовь к танго объединяла этих людей. Они сделали этот удивительный танец частью своей жизни и приходили в зал, чтобы насладиться самим и доставить удовольствие другим тангеро.

Эстебан застыл в нерешительности у стены, вглядываясь в незнакомые лица. Никто не обращал на него внимания, ведь в этом мире танца он был новичком и пока еще не достиг никаких высот. Лишенный привычного внимания, сеньор Дельгадо чувствовал себя свободным, но вовсе не одиноким и покинутым. Он был частью этого мира, удивительного мира танго, маленькой, но значимой частью. Тихие звуки музыки наполняли пространство, настраивали на общение в центре танцпола. Незнакомые лица оборачивались к нему и приветливо улыбались, как старому приятелю.

Вот музыка зазвучала громче, и первые, самые смелые танцоры стали выходить в круг, подбирая себе пару. Мужчины высматривали понравившуюся женщину и приглашали ее на танец взглядом, легким кивком головы и улыбкой. А дама отвечала согласием, если не отводила взгляд, и ответной улыбкой. Это молчаливое приглашение было традицией, придававшей милонге особый шарм, которую никто никогда не нарушал.

Эстебан с любопытством следил за танцорами, как вдруг сердце его ёкнуло и пустилось в галоп: в противоположном конце зала он увидел Её. Лаура, в красивом желтом платье, которое очень ей шло и подчеркивало смуглость кожи и красоту стройной фигуры, неуверенно переминалась с ноги на ногу и оглядывалась по сторонам.

А в это время в самом углу у стойки бара стояли и наблюдали за

всем сеньоры Ньето.

– Давай, мальчик, смелее! – в полголоса произнесла Паула, глядя на застывшего у стены Эстебана. – Только бы он не струсил и не сбежал с милонги.

– Не сбежит, – качнул головой Сантьяго и сделал глоток из хрустального стакана, наполненного на треть янтарной жидкостью, – он же мужчина. А помнишь, как я первый раз пригласил тебя на танец?

Паула взглянула на него с удивлением, но в карих глазах супруга было столько любви и нежности, что она улыбнулась.

– Это же было тысячу лет назад, Сантьяго!

– А кажется, что вчера. Тем более, что ты за это время совсем не изменилась.

– Неужели совсем?

– Даже стала еще красивее!

– Ох, бессовестный льстец, как же я тебя все-таки люблю!

Он отставил стакан на стойку бара и протянул руку к жене, приглашая на танец. Паула лучезарно улыбнулась и пошла в центр круга, где уже танцевали самые смелые и нетерпеливые.

Под нарастающий стук собственного сердца и аккомпанемент аккордеона сеньор Дельгадо неотрывно смотрел на женщину в желтом платье. Между ними неторопливо, точно разминаясь, двигались несколько пар. И вот она заметила настойчивый взгляд и обернулась в его сторону. Их взгляды встретились, и он понял, что она его узнала. Лаура не отвела глаза, а неуверенная улыбка коснулась ее губ, поэтому Эстебан медленно, но решительно двинулся в ее сторону, пробираясь сквозь толпу любителей танго.

Словно невидимая нить протянулась между ними и притягивала, влекла... Мысленно Эстебан возносил хвалу традиции молчаливого приглашения взглядом на танго, ведь сам он потерял дар речи, мгновенно утонув в кареглазом омуте. Лаура шагнула навстречу, и в следующее мгновение они оказались в круге танцующих. Эстебан осторожно, бережно, точно прикасался к бесценному сокровищу, сжал в ладони ее хрупкие пальчики и обнял другой рукой за плечи, тот час почувствовав нежное прикосновение шелковистых прядей ее волос к своему виску.

Их пряный аромат будоражил что-то в глубине его души, пробуждал давно забытые воспоминания, и теплая волна растекалась в его груди. Лаура была такой же, как и двадцать лет назад и... совсем другой, более женственной, нежной, загадочной. Годы разлуки легкой тенью залегли под темными ресницами, горечь пережитых утрат едва заметными морщинками застыла в уголках глаз. О, он был готов отдать все на свете, лишь бы стереть с ее пленительных губ следы всех невзгод и разочарований.

Как много нужно было сказать ей, но разве слова могли выразить все то, что бурлило в его душе? Оставалось надеяться только на танго. Эстебан увлек партнершу в центр круга, отчаянно стараясь выразить танцем то, о чем молчали его губы.

«Прости за то, что когда-то позволил разлучить нас» – покаянно звучали басы аккордеона, сопровождая его медленные, немного неуверенные шаги. И всем своим существом он чувствовал, что она слышит и понимает. «Долгих двадцать лет я шел к тебе» – пела виолончель, а ноги плавно скользили по паркету. «Без тебя моя жизнь была пустой и холодной, как пустыня зимой» – жаловалась скрипка, увлекая танцующих в плавные повороты. «Ты нужна мне, Лаура, нужна как воздух, как солнце!» – вступал рояль, а Эстебан кружил свою прекрасную партнершу, не замечая никого вокруг.

Ярко одетые пары скользят по паркету, замершие вдоль стен в ожидании своего партнера, призывный и ободряющий свет ламп и отблески его в высоких окнах зала – все слилось в пестрый многозвучный фон, в центре которого были Он и Она, прильнувшие друг к другу, очарованные, замороженные магией танго. Одна мелодия сменяла другую. Медленные ритмы уступили место более быстрым и решительным. А они все танцевали, все не могли оторваться друг от друга.

– Как думаешь, – спросила Паула супруга, склонившись к нему, – одной танды ему хватит, чтобы вернуть себе ее любовь?

– Не знаю, – пожал плечами Сантьяго, – но это не так уж и важно, ведь впереди долгий танцевальный вечер... А там и вся жизнь.

Кебрада, хиро, энроске, ганчо, очо – танцевальные фигуры в

танго.

Танда – 3-4 танца подряд, которые танцуют с одним партнером, далее в коротком перерыве можно сменить партнера.

© Дарья ЩЕДРИНА. Некауалар